

АБДУЛЛАЕВ З. Г.

К ГЕНЕЗИСУ ФОРМАНТОВ ДАТИВА В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Даргинский и другие дагестанские языки характеризуются параллельным использованием в качестве падежных формантов большой совокупности различных морфем. Генезис этих формантных единиц имени остается актуальной проблемой сравнительно-исторического дагестановедения.

Целью сказать, что вопрос о происхождении падежных формантов в даргинском и других дагестанских языках не рассматривался исследователями. Имеется ряд специальных статей, посвященных происхождению того или иного падежного форманта. Этот вопрос затрагивается и в некоторых работах общего характера. Большей частью, однако, речь идет не столько об их генезисе, сколько об использовании в качестве падежных формантов тех или иных морфем, о диалектных различиях в использовании этих морфем, о фонетических изменениях в структуре морфем, об их хронологическом соотношении и т. д. К чему восходят эти морфемы, из какого материала они сложились — решение этого вопроса сводится в конечном счете к предположению о том, что согласные элементы рассматриваемых падежных формантов восходят к классным показателям. Ссылкой на классные показатели кончается рассмотрение генезиса падежных формантов (из чего, однако, произошли сами классные показатели — этот вопрос у исследователей не вызывает интереса). Тем самым возникновение грамматических форм имени фактически сводится к периоду образования классных показателей, т. е. грамматической категории класса. Неклассное образование категориальных элементов и грамматических форм имени по существу не предполагается.

Касаясь образования эргатива в некоторых самурских (южнодагестанских) языках, Б. Г.-К. Ханмагомедов довольно четко подытожил общий ход рассуждений по этому вопросу: «Согласные элементы в детерминантах эргатива *δ*, *p*, *л*, *и* мы вслед за А. Дирром и другими исследователями считаем древнейшими классными показателями, которые в настоящее время уже не ощущаются в языке как таковые» [1].

В дагестанских языках, в их числе и в даргинском, возведению к классным показателям подвергаются формантные согласные не только эргатива, но и других падежей — датива, генитива, адитива и др. Когда падежные формантные согласные невозможно свести к существующим в языке классным показателям, допускаются самые невероятные фонетические изменения и основанные на них предположения. Между тем имеются основания думать, что классные показатели не могут играть роли универсальной отмычки. Можно, в частности, показать, что классные показатели и падежные форманты — здесь продукты грамматикализации лексических единиц, прежде всего местоименной лексики.

Прежде чем перейти к некоторым конкретным соображениям по этому вопросу, необходимо сделать несколько оговорок общего порядка. Во-первых, необходимо признать существование в языке лексемных функций двух видов: а) функции дейктической и б) функции анафорической. Дейктическая функция характеризуется указанием на внешние предметы, на референты экстралингвистической реальности. Анафорическая функция характеризуется отражением в грамматической форме слова той или иной субстанциональной категории референта другого слова. Дейктической функцией характеризуются обычно существительные и местоимения, ана-

форической функцией — прилагательные, числительные и глаголы. Дейктическая функция первична, а анафорическая функция вторична. Анафорическая функция не может существовать без предварительного существования дейктической функции.

Другая общего порядка оговорка заключается в том, что необходимо различать «лицо» и «не-лицо». «Лицо» — продукт акта речи, в котором говорящий и слушающий создают соответствующие формы «я» и «ты». Все, что характеризуется 3-м лицом, лицом «он (она, оно)», относится к «не-лицу». Все «человеческие имена», имена референтов говорящего и слушающего, относятся к «не-лицу». Таким образом, понятие лица характеризуется лишь двумя формами акта речи: «я» и «ты»; все, что относится к «он (она, оно)», характеризует понятие не-лица.

Противопоставление лица и не-лица лежит в основе содержательного начала языка. Дейксис лица «я», говоря словами Э. Бенвениста, «как голова Медузы, всегда в центре языка». Дейксис лица первичен, анафора лица — вторична. Природный пол (sexus) является категорией дейксиса лица, грамматическая категория класса (genus) — категорией анафоры лица. Чтобы могла возникнуть грамматическая категория класса (анафора лица), должен был существовать дейксис пола лица. Поэтому существование природного пола лица отнюдь не означает, что и грамматический класс лица имеет такое же изначальное существование. Хронологически категория дейксиса лица и категория анафоры лица неизоморфны. Если природный пол является первичной дейктической категорией лица, то грамматический класс является вторичной анафорической категорией лица. Только с возникновением категории анафорического класса существует категория грамматического класса.

Система категориальных морфем — единиц анафорической структуры языка, призванная обеспечить передачу отношений лица и не-лица, обязана своим происхождением лексическому уровню языка, прежде всего прономинальной лексике. Это значит, что для того чтобы обеспечить выражение отношений дейктических единиц, язык из корней этих же первичных дейктических единиц создает структуру анафорических категорий.

Как известно, склонению имени, образованию падежных форм и их употреблению, описанию различных вариантов падежных формантов даргинского языка в научной литературе уделено значительное внимание. Однако среди трудов этого направления лишь одна работа ставит своей специальной задачей раскрытие происхождения падежных формантов, причем формантов лишь одного из падежей даргинского языка — датива. Имеется в виду статья Ш. Г. Гаприндашвили [2].

Об этой в своем роде единственной работе приходится говорить в силу того обстоятельства, что она может послужить примером того, как опасно делать выводы, если они не вытекают из конкретных языковых фактов, если имеющиеся языковые данные скорее используются для подтверждения уже заранее принятой версии. Генезиса формантов датива, в русле идеи возведения их к классным показателям, автор касается и в другой работе [3].

Как известно, в диалектах даргинского языка датив различается своими формантами. Например, д а т и в и м е н и характеризуется формантами -с (хюрк., акуш.), -з (цудах.), -ж (хайд.), -й (арб.), д а т и в м е с т о и м е н и я — формантами -м (хюрк., хайд., пуд., арб.), -д (хюрк., акуш.), -т (пуд., хайд.), -б (акуш., пуд.), -в (хайд.), -й (хайд., арб.).

Здесь названы лишь форманты категориальной функции, флексии. Этим флексиям в структуре датива предшествует довольно большое количество формантов детерминативной функции. К таковым, в частности, относятся: -ли, -ни-, -ми-, -ви-, -т-, -ти-, -д-, -ди-, -и-, -е-, -у-.

Как видно из всего этого, датив даргинского языка чрезвычайно богат морфемными формантами. Нетрудно заметить также, что флексии местоименного датива и морфемы детерминативной функции сходятся своей ма-

териальной основой: используются в основном согласные -л-, -н-, -м-, -й-, -б-, -в-, -д-, -т- (с огласовкой или без нее).

Особый интерес вызывают четыре форманта именного датива: -с, -з, -ж, -й. Все эти четыре форманта Ш. Г. Гаприндашвили исторически возводятся к классному показателю -д-.

В современном даргинском языке показатель -д- репрезентирует или женский класс в ед. числе, или класс предметов и одушевленных существ во мн. числе. Ср. хюрк.: *рурси д-акиб* «девушка пришла», *буцIи д-акиб* «волки пришли». Трудно понять, какая цель преследуется возведением формантов именного датива -с, -з, -ж, -й к показателю женского класса -д-. Доказать, что датив своими формантами исторически выражал категорию класса? Может быть, исследователь не ставил какой-либо цели, а сам языковой материал (в данном случае форманты датива -с, -з, -ж, -й) привел его к классному показателю -д-? Это маловероятно, так как ничто не говорит о том, что -с или -з, -ж или -й произошли от -д-, в фонетической системе даргинского языка таких звукопереходов нет.

Какими же звукопереходами объясняется происхождение этих формантных согласных от классного показателя -д-? На этот счет были предложены два объяснения звуковых трансформаций, хотя в обоих случаях в качестве источника или исходной точки автор берет одну и ту же единицу *-ди-. Не звуковые трансформации дативных формантов привели автора к этому *-ди-, а *-ди- берется в качестве отправной точки. Таким образом, искомое заранее известно.

Направления многоступенчатых звуковых трансформаций дативных формантов по Ш. Г. Гаприндашвили таковы:

1) * = ди → дзи → зи → з → с [2, с. 227].

2) * = ди → джи → жи → ж → й [3, с. 352].

Большая сложность допускаемых при этом звуковых трансформаций видна во многих деталях. Во-первых, если учесть, что формант датива -с характерен для хюркилинского и акушинского диалектов, а формант -з — для цудахарского диалекта, то согласно этим схемам предусматривается первичность цудахарского -з по сравнению с хюркилинско-акушинским -с. Формант датива -ж характерен для хайдакского диалекта, а формант -й — для арбукского диалекта. Согласно этим схемам, арбукский формант датива -й получен из хайдакского -ж. Важно помнить, однако, что форманты датива — единицы морфологического уровня и поэтому не могли быть получены в результате только звуковых изменений некоторых первоначально иных морфем.

В первичной единице *-ди- Ш. Г. Гаприндашвили кроме согласного -д- фиксирует еще гласный -и-, но в процедуре звукопереходов он незаметно исчезает. По мнению автора, собственно формантом датива является именно этот гласный: «Гласный -и в этих формах является подлинным признаком дательного падежа» [3, с. 352]. Более того, по мнению автора, формант датива -й может быть получен не только из -ж, но и в результате редукции этого подлинного форманта датива -и: «Что же касается спиранта -й, показателя дательного падежа в ряде диалектов даргинского языка, последний мы могли получить как в результате редукции гласного -и, подлинного форманта дательного падежа, так и в результате редукции спиранта -ж, форманта тоже данного падежа» [3, с. 352]. «Утеря в даргинском языке признака дательного падежа -и (чему способствовало нахождение его в абсолютном конце) вызвала затмение основной функции согласных *д, б//в^д, м*, и облегчила осмысление последних как формантов дательного падежа в склонении личных местоимений первого и второго лиц» [2, с. 228]. «Затмившейся основной функцией» формантных согласных датива считается дифференциация имен на грамматические классы. Мысль о «затмении основной функции» формантных согласных датива и признание гласного -и «подлинным формантом датива» преследуют, по-

видимому, одну цель — отнести эти формантные согласные датива к историческим классным показателям.

Во-вторых, имеются и другие детали, которые не согласуются с предлагаемой историей звуковых трансформаций и происхождения на их почве формантов датива. Это звуки *-дз-* и *-дж-*, предполагающиеся в качестве промежуточных звеньев от **-ди-* к *-з*, *-с*, *-ж*, *-й*. Дело в том, что Ш. Г. Гаприндашвили вообще отрицает само существование фонем *дз* и *дж* в хайдакском, арбукском и цудахарском диалектах, признавая их наличие лишь в хюркилинском и акушинском диалектах. Несколько утверждений автора на этот счет: «Характерными признаками **цудахарского диалекта** даргинского языка являются следующие: ...отсутствие звонких аффрикат *дз* и *дж* как фонем...» [4, с. 5]; «Характерными признаками **хайдакский диалект** даргинского языка относится к диалектам и говорам типа цудахарского диалекта, имея ряд общих с ним характерных признаков: ...отсутствие звонких аффрикат как фонем» [4, с. 6]; «Характерными признаками **кубачинского диалекта**, в силу наличия которых он входит в группу диалектов и говоров цудахарского типа, являются следующие: ...отсутствие звонких аффрикат как фонем...» [4, с. 7]; «В диалектах цудахарского типа, как правило, отсутствует свистящая звонкая *дз*» [5, с. 133]; «В диалектах урахинского и акушинского типов *дз* и *дж* представляют собою самостоятельные фонемы» [5].

Таким образом, если согласиться с отсутствием в цудахарском, хайдакском и арбукском диалектах звонких аффрикат *дз* и *дж*, то возникает вопрос, каким же образом не существующие в данных диалектах аффрикаты могли служить промежуточным звеном в образовании падежных формантов датива в этих же диалектах? Ответа на него мы не находим.

По всей вероятности, форманты датива имени *-с*, *-з*, *-ж*, *-й*, представленные в разных диалектах даргинского языка, своим происхождением не имеют никакого отношения к классному показателю *-д-*, искусственно выводимому из заранее данного **-ди-*. Это становится особенно очевидным, когда выявляется другой, более надежный источник этих падежных формантов. Таким источником служит указательное местоимение.

Напомним еще раз, что формант датива имени *-с* характерен для хюркилинского и акушинского диалектов, формант датива *-з* — для цудахарского диалекта, формант датива *-ж* — для хайдакского, формант датива *-й* — для арбукского. Обратимся теперь к указательным местоимениям этих диалектов:

	Хюрк.	Акуш.	Цуд.	Хайд.	Арб.	
1.	гыиш	гыиш	гьа	гьеж	йей	«этот (у 1-го лица)»
2.	гьил	гьил	гьел	гьел	лел	«он, этот (у 2-го лица)»
3.	гьикI	гьикI	гьекI	гьекI	кIекI	«он, тот (наверху)»
4.	гьих	гьих	гьех	гьех	хех	«он, тот (внизу)»
5.	гьит	гьит	гьет	гьет	тет	«он, тот (где-то)».

Наблюдательный читатель сразу может заметить, что у указательного местоимения, помещенного в первой горизонтальной строчке, корневые элементы в разных диалектах различаются, в то время как во всех остальных местоимениях они совпадают. В хюркилинском (*гыиш*) и акушинском (*гыиш*) местоимениях представлен корневой согласный *-ш*, в цудахарском — корневой согласный *-з*, в хайдакском — корневой согласный *-ж*, в арбукском — корневой согласный *-й*.

Случайно ли столь разительное совпадение диалектных формантов датива имени и корневых морфем указательных местоимений? Едва ли. Во всяком случае у нас нет сомнений в том, что корневые морфемы указательных местоимений и послужили источником образования датива имени.

Лексемные предпосылки образования падежных формантов налицо. Исторически для передачи адресатного значения, выражаемого ныне дативом, использовалось, очевидно, словосочетание, вторым компонентом которого выступало указательное местоимение. Это указательное местои-

мение в данном словосочетании утратило свое лексическое значение, превратилось во вспомогательный элемент, а со временем — в обыкновенный падежный формант.

Столь очевидный, на наш взгляд, процесс образования формантов датива в даргинском языке, к сожалению, до сих пор никем не был замечен. Между тем установление этого процесса важно не столько само по себе, сколько тем, что оно наталкивает на поиск аналогичных источников происхождения и других падежных формантов, служит своеобразным ключом к разгадке тайн происхождения падежных формантов на базе прономинальной лексики. Как хорошо известно, аналогии этому процессу представлены в языках многих языковых семей. Налицо они и на Кавказе (ср. связь показателей эргатива и абсолютива с местоименным материалом в адыгских языках).

У нас нет сомнений в том, что местоименные корни лежат в основе образования падежных формантов даргинского имени, и задача соответствующего доказательства сводится к тому, что нужно только найти точные исторические соответствия. К тому же установление генетической общности падежных формантов и местоименных корней одного языка, в данном случае даргинского, может иметь определенное значение для разысканий соответствующих общностей других родственных языков. Например, в одном из диалектов даргинского языка в качестве форманта датива представлен *-й*, который своим происхождением восходит к соответствующему корневому указательного местоимения. Установление этого факта не может ничего не значить для объяснения происхождения, скажем, форманта датива родственного аварского языка *-йе*, хотя в самом аварском языке нет местоимения с соответствующим корневым *-й*.

Еще один пример в этом плане. Происхождение лакского наречия *шикку* «сюда» трудно объяснить на материале самого лакского языка, так как соответствующее указательное местоимение *вā* «этот» (у 1-го лица) не содержит здесь корневого *-ш-*. Однако местоименное происхождение этого наречия безупречно объясняется на почве соответствующего указательного местоимения даргинского языка *гъиш/ъиш* «этот» (у 1-го л.). В самом даргинском языке соответствующее лакскому наречие имеет формы: *гъишкIу* (хюрк.), *ъиша* (акуш.), *гъежин* (хайд.), *ъизе* (пуд.), *йāне* и *син* (арб.). Особенно близки лакская и хюркилинская формы: *шикку* ~ *гъишкIу*. Нет никакого сомнения, что они своим происхождением обязаны указательному местоимению *гъиш*, точнее — местоименному корню *-ш-*. Н. Я. Марр без особых оснований считал, что аварское наречие места *аскIоб* «подле, около, возле» находит объяснение своего происхождения в сванском *лесг* «бок» [6]. По нашему мнению, это аварское наречие скорее обнаруживает генетическую общность с приведенными наречиями даргинского и лакского языков (переход корневого *-ш-* в *-с-* является закономерным).

Подобным же образом факты родственных дагестанских языков помогают объяснить происхождение и даргинских формантов. В этом отношении примером может служить следующий факт. Как известно, среди формантов датива личных местоимений даргинского языка встречается *-м*, но в этом языке нет местоименных лексем с соответствующим корнем. Из чего бы мог сложиться этот формант датива? Можно было бы предположить, что его источником послужило указательное местоимение *тил* «он, этот» (у 2-го л.), но соответствие формантного *-м* корневому *-л* не очень укладывается на материале самого даргинского языка. Здесь на помощь приходят другие родственные языки. В лакском языке, например, соответствующее указательное местоимение имеет форму *мъ* «этот» (у 2-го л.), в табасаранском — форму *му*, в цахурском — *ман*, в рутульском — *ми*, в агулском — *ме*. Ср. также аваро-андо-дидойские *мун/мен/мин/ме/ми/мо/мэ* «ты». Выходит, что указательное местоимение с семантикой «он, этот» (у 2-го л. т. е. сферы дейксиса 2-го л.) в дагестанских языках имеет

генетическую общность с корневым -л/м-. Даргинский формант датива -м-, по-видимому, восходит к этому местоименному корню.

Как известно, в даргинском языке ближайшим компонентом в процессе ассимиляции формантного -м- является согласный -б- (-в-). Выясняется, что это — не просто фонетическое явление. Дело в том, что в дагестанских языках сфера дейксиса 2-го л. обозначается не только корневыми -м-, -л-, но и корневым -в-. Ср.: табас. *ъуву/ъиву* «ты», агул., крыз., кюр. *вун* «ты», рут., хин. *вэ/ву* «ты» и т. д. Таким образом, мест. корни -м-, -л-, -в- характеризуются определенной общностью, отражая собою дейксис 2-го л. К ним, вероятно, восходят форманты даргинского датива -в-, -б-. Что же касается форманта датива -т-, то он представляется глухим вариантом форманта -д-, а последний восходит к личному мест. 1-го л. *ду* «я».

Может возникнуть вопрос: чем объясняется участие столь большого количества мест. корней в образовании одного падежа? Как известно, передача пространственной ориентации является характерной особенностью местоимений. Очевидно, дат. п., форманты которого генетически восходят к мест. корням, первоначально выражал адресатное значение с пространственной ориентацией: разные форманты выражали разную пространственную ориентацию адресата по отношению к лицу «я». Эта пространственная ориентация существенно отличается от той «общенаправительности» датива дагестанских языков, о которой пишет Е. А. Бокарев [7].

Что же касается соответствия форманта датива -с- корневому указ. мест. -ш-, то оно в даргинском языке носит закономерный характер. Этот корневой -ш- является исходным не только для -с-, но и для -з-, -ж-, -й-, так как, по нашим предположениям, указ. мест. *гъиш//ъиш* является исходным для *ъез*, *гъеж*, *йей*. Корневой -ш- указ. мест. *гъиш//ъиш* послужил источником образования не только названных формантов датива, но и целого ряда формантов адитивов: -чи-, -чу-, -ши-, -шшу-, -са-, -зи-, -дэдзи и т. д. Этот мест. корень обнаруживает себя в провербе *са-*, в инфинитивном суф. -с (-з, -й), в корне глагола *сай* «есть», в словообразовательных суффиксах -деш и -чев, а также в ряде других случаев.

В заключение хотелось бы высказать мысль, что местоименный корень дейксиса лица -ш-, очевидно, является достоянием не какого-либо одного дагестанского языка, он является общedaгестанским явлением, если не сказать большего. Блуждание в лабиринте абстрактных предположений и догадок привело к превратному представлению о многих явлениях в языке. В 1935 г. Э. Бенвенист писал: «То, чему до сих пор нас учили по вопросу о природе и разновидностях корня, в действительности представляет собой разнохарактерную смесь эмпирических понятий, предварительных допущений, архаических и поздних форм, а в целом — путаницу, в которой невозможно разобраться» [8]. Эти слова французского лингвиста остаются актуальными и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханмагомедов Б. Г.-К. К истории образования эргатива в языках восточно-лезгинской подгруппы. — Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР, 1958, т. IV, с. 319.
2. Гаприндашвили Ш. Г. К генезису формантов дательного падежа в даргинском языке. — ИКЯ, 1948, т. II.
3. Гаприндашвили Ш. Г. Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка. — Тр. Сталинградского гос. пед. ин-та, 1956, т. III.
4. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка (по данным диалектов): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Тбилиси, 1956.
5. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка, Тбилиси, 1966, с. 133.
6. Марр Н. Я. Непочатый источник истории Кавказского мира. — ИАН, 1917, сер. VI, № 5, с. 315.
7. Бокарев Е. А. Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках. — ИАН ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. I.
8. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование, М., 1955, с. 178.